

В.К. Харченко
ТРУДНЫЙ СЛОВАРЬ

(А.А. Кретов, Л.Н. Матыцина. Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина. Научное издание. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – 208 с.)

Чем больше появляется на прилавках лексикографической продукции, тем меньше в ее списке оригинальных работ, оригинальных не по заголовку, не по названию, а по концепции – своего рода новой точке опоры, которая многое может перевернуть в нашем понимании, столь быстро становящемся трафаретным, монотонным, если не сказать сильнее – заскорузлым. Оригинальный словарь – это больше чем просто словарь, это корпус оригинально смоделированных языковых фактов, помноженный на новую идею, а то и целую научную идеологию. О таком словаре мы и собираемся сейчас рассказать. Но сначала – о его главном авторе, докторе филологических наук, профессоре Воронежского университета Алексее Александровиче Крете. Этому ученому принадлежит концепция словаря, сама гипотеза подачи материала.

А идея блестящая! Рассматривая стыки морфем в словах, то есть ставя целью создать морфемно-морфонологический словарь, теоретик этого словаря приходит (в процессе анализа материала, что немало важно!) к следующему выводу: история не исчезает, исторический облик слова консервируется в морфемных швах. Первые страницы предисловия к словарю буквально захватывают изяществом и простотой изложения при взрывообразной мощи самой идеи.

“СУФФИКСАЛЬНЫЙ СТЫК является своеобразным “фонетическим заповедником”, в котором фонетическое время остановилось перед падением редуцированных. Во всех остальных позициях фонетическое время пошло дальше, а на суффиксальном стыке оно остановилось. Суффиксальный стык в современном русском языке живет по фонетическим законам V-XX вв. н.э.” (с.4).

“Русская словообразовательная система ведет себя так, как если бы она СРА-

ЗУ (уже и в V веке н.э.) СУЩЕСТВОВАЛА В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ (была развернута на максимальную глубину), а по ней, как по канве, вышивались узоры фонетических процессов. Только с V по XX вв. эти узоры вышивались по всей канве, а после X-XII вв. (после падения редуцированных) – только на суффиксальном стыке. Поскольку морфонема, вопреки мнению А.А.Реформатского..., является языковой реальностью (другое дело, что эта реальность не лежит на поверхности), и на суффиксальном стыке историческая последовательность (относительная хронология процессов) соблюдается неукоснительно, этот факт может быть использован для уточнения наших представлений об относительной хронологии фонетических (или, как сказал бы Бодуэн, палеофонетических) процессов. Таким образом, задав исходный (искомый) вид морфемы и зная правила фонетических преобразований на суффиксальном стыке (законы исторической фонетики в их относительной хронологии), мы можем выводить современный фонетический и графический облик производных слов. Тем самым в морфонологии мы переходим с уровня описания и констатации на уровень объяснения и интерпретации. Мы получаем возможность искать причины отклонения реальных форм от ожидаемых, не ограничиваясь смиренной констатацией их неожиданности, необъяснимости, аномальности.” (с.6).

Мы допустили столь объемное цитирование, поскольку этот отрывок как нельзя лучше передает и суть гипотезы, и ее блестящее, повторяем, лексикографическое решение.

Приведа цепочку рассуждений, а также ссылаясь на высказанную Е.Л. Гинзбургом в частной беседе мысль, А.А. Кретов приходит к очень важному выводу, что именно суффиксальный стык

является тем цементом, который объединяет морфемы в основу, обеспечивает целостность основы и маркирует ее границы. (Е.Л. Гинзбург подчеркнул тогда, что русское слово по существу начинается с корня, что приставки еще морфонологически не освоены – не случайно же именно на стыке приставки и корня в русском слове возможно зияние, стыковка гласных: *про-образ*, *пре-умножить*, *соорудить*).

А дальше еще интереснее. Морфонологические процессы суффиксальной части слова увязываются с особенностями русской национальной жизни, особенностями изустной культуры, требующей от языка защитных механизмов, предохраняющих от искажения при передаче информации из уст в уста. По мысли А.А. Кретьова, слоговой сингармонизм, основанный на регрессивной ассимиляции, и служил своего рода предсказательным устройством.

“Прошлое не исчезает – прошлое ПРЕБЫВАЕТ в настоящем” – эта ведущая идея рецензируемого словаря содержит в себе колоссальный методологический заряд. Ведь с таких позиций можно подходить отнюдь не только к морфемному контуру слова, но и к его семантическому бездонному омуту, и к его затейливым синтаксическим связям, и к парадоксам его (естественно, в контакте с другими словами) фразеологизации.

Мы, дети аспирантских школ 70-х годов, выросли на убеждении: диахрония – это одно, а синхрония языка нечто совсем иное. Для того времени такая точка зрения была продуктивной, но она застоялась, и подошла пора слияния син- и диа-, чем и ценен словарь А.А. Кретьова и Л.Н. Матьчиной с его революционным для лингвистики предисловием, освежающим и обогащающим взгляд и вузовского преподавателя, и, конечно же, любого исследователя языка.

Пожалуй, на такое лексикографическое решение никогда не решились бы дериватологи чистой воды, слишком грандиозна ломка стереотипов. Да и к морфонологии у многих лингвистов отношение уважительно- снисходительное как к че-

му-то узкому, специальному, мало что в языке решающему. И вдруг именно морфонологические процессы интерпретируются в качестве увязки, узла прошлого и настоящего.

Всегда интересно, каким путем пришел ученый к столь сильной и красивой мысли. А.А. Кретьов в течение многих лет занимался сверхмногозначными словами, и особенно глаголами лексико-семантического поля “видеть”, а ведь это не простые глаголы. Мышление моделируется по типу зрения, а зрение – по типу осязания. (Н.Н. Страхов назвал зрение самым умоподобным чувством). Спрашивается, при чем тут морфонология? Но, как нам думается, долгие занятия ключевыми (самыми ключевыми) словами русского языка, а также общая культура научного поиска, сформировавшаяся под сенью воронежской научной школы и укрепленная изысканиями в библиотеках Финляндии и Испании во время многомесячной там работы, помогли автору выйти на ключевые аспекты трактовки уже не только смысла, но и морфемного облика слов. И здесь, на небольшом по плацдарме морфонологии отыскивались точки соприкосновения и параллели с пространствами других лингвистических наук. Приведем еще одно из методологически интересным убеждений автора словаря: “Как всегда в культуре, то, что было функциональным, перестает быть функциональным, становится эстетическим или этическим”.

Теперь посмотрим на словарь под практическим углом зрения.

Один из общеизвестных афоризмов “Ничего нет практичнее хорошей теории” с точки зрения своего иллюстративного, подтверждающего фундамента, увы, оказывается пустопорожним. Известность самого афоризма намного превосходит известность хороших теорий, даже если они действительно очень хороши. Спросим специалиста в любой области, какие хорошие теории он порекомендовал бы качестве многократного практического использования, и готовый, прогнозирующий ответ мы вряд ли быстро получим (о причинах чуть позже). Так вот, тот самый словарь, который мы проанализировали,

как раз и фокусирует в себе хорошую лингвистическую теорию и потому и широко и легко может быть использован исследователями, преподавателями вузов, учителями и просто носителями русского языка, к которым никак не хочется прилагать эпитет “рядовые”, поскольку не профессионалы (не филологи) сейчас проявляют столь искреннюю и глубокую заботу о судьбе, о будущем родного русского (действительно великого!) языка, что словом “рядовые” мы только смазываем драматизм ситуации и энтузиазм ее участников.

Для практического использования хорошо подойдет алфавитное расположение материала и графические столбцы-вертикали на каждой странице словаря. Дан словник языка Пушкина с указанием частотности каждого слова, а значит, при небольшом общем объеме в один том из 26 печатных листов (многотомные книги, согласимся, заведомо трудны для скоростной или выборочной работы на семинаре, на уроке), при не очень большом объеме этот словарь удобен для отслеживания и определенных тематических групп слов, и истории слова, и структуры имен собственных (онимов), и слов с определенным компонентом, и той или иной части речи (в заключительной вертикали символика частей речи: С, Г, С₁, М, М₁...).

По такому словарю удобно работать лингвисту, литературоведу, психологу, историку. Решая по весьма и весьма продуманной исследовательской процедуре макрозадачу своего исследования, автор дает одновременно возможность на базе созданного словаря ставить и решать серии других задач (а ведь часто бывает наоборот, когда исследователь представляет публике результаты и только результаты своего поиска, оставив арсенал грамотно систематизированных фактов языка... в ящиках письменного стола), впрочем, составить подобный свод данных, как это сделали А.А. Кретов и Л.Н. Матыцина, значит проделать 9/10 своего исследования создать, заложить в потенциале, пусть не девять, пусть три, четыре, шесть десятых научного изыскания других ученых.

Преподаватели вузов (вторая группа потенциальных пользователей) вполне могут использовать словарь А.А. Кретова и Л.Н. Матыциной как концентрированное учебное пособие по исторической грамматике, лексикологии, словообразованию, по истории русского литературного языка, но в наивысшей степени, конечно, в этимологии и истории слова (исторической лексикологии). Словарь этот может быть легко воспринят как совокупность выверенных дидактических материалов для высшей школы, им даны реконструированные формы, основы, которые, как подчеркивают авторы, никуда не исчезли, а потаенно и концентрировано живут в самом слове. Не отдельные слова подвергаются исторической реконструкции, а каждое неисконное слово русского языка, встречающееся в текстах А.С. Пушкина. При неторопливом отслеживании таких словарных материалов студенты получают комплекс представлений об исторических преобразованиях морфем на стыках и об исконном облике корней. Алексей Александрович Кретов вообще мечтает о создании особой науки – радикалогии, изучающей корни слов, и созданный словарь – ступень к этому.

Учителя-словесники могут использовать словарь для бесед о том, как астрономически много слов знал Пушкин. Может быть, открывать с учащимися странички словаря, находить незнакомые ученикам слова и говорить об этих словах. Пусть не окунутся учащиеся даже в глубь морфонологии, пусть просто пробегут глазами словник, пусть задумаются, что слово *Бог* употреблено у Пушкина 970 раз...

Наконец, читатели не филологи, которых мы выше отказались называть рядовыми, взяв в библиотеке этот словарь, смогут реально представить уровень, степень богатства словарного запаса великого поэта. Кстати, во время бесед о культуре речи людей различных специальностей всегда интересуется, сколько слов знал и употреблял Пушкин, а этот словарь дает возможность сравнить масштаб словаря Пушкина с собственным лексиконом и о многом задуматься, в частности о том,

что, узнавая иноязычные слова и употребляя их, поэт отнюдь не отчуждает слова народные, исконные, слова русского языка во всем ярком богатстве их форм и вариантов.

“Ничего нет практичнее хорошей теории”. Впрочем, если теория издана тиражом ... в 162 экземпляра, то ее трудновато довести до потенциальных пользователей, особенно в других городах (первенство издания такого словаря принадлежит, как мы подчеркнули, Воронежу). Между тем очень и очень необходим этот словарь библиотекам ближнего и дальнего зарубежья, не только фондам нашей страны. Нужно подумать о переиздании, расценивая рецензируемое сейчас издание как препринтное, пробное – по драгоценной малости тиража, что и тиражом не назывешь, хотя издание (в пику традиционному, как бы заведомому препринту) безупречно выверенное, ответственно выполненное, добротное оснащенное, продуманное до мелочей.

Теперь вернемся к вопросу: почему о хороших теориях специалисты знать сейчас не в состоянии. “Тиражная проблема”, как в нашем случае, только половина объяснения всеобщего незнания той или иной хорошей книги. Тираж еще не решение проблемы. (Я узнавала о тиражах научных изданий за рубежом. В Италии традиционно – 500 экз., гораздо реже – 1000 экз.). Куда важнее не тираж даже, а создание ауры интереса, *события* вокруг вышедшей книги.

Не так давно я начала обращать внимание на особую группу людей – тех, кто с удовольствием читает чужую статью, с удовольствием говорит о чужих книгах, с удовольствием пишет хроники конференций, юбилейные статьи, и при этом и сам пишет (тотальная начитанность не парализует собственного творческого “Я”). Утверждая это сейчас, я имею в виду хорошо известных мне людей: доктора филологических наук, профессора Омского

государственного университета Наталью Арнольдовну Кузьмину, кандидата педагогических наук, доцента Белгородского госуниверситета Татьяну Федоровну Новикову, кандидата филологических наук, младшего научного сотрудника Липецкого госпединститута Елену Александровну Попову. Кстати, к этой же группе относится и главный автор словаря – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Алексей Александрович Кретов, только сейчас он у нас как бы по другую сторону баррикады: его книга сама нуждается в разговоре о ней.

Кроме спонтанного творчества людей-референтов, рассказчиков, будем серьезнее ставить вопрос о расширении рецензирования книг, об организации презентаций научной продукции, о радио- и телепередачах, обзорах, о развернутом, щедром цитировании, чем характеризуется далеко не каждая даже кандидатская диссертация... Конечно, у нас все это есть, но дозы иногда в гомеопатической дозировке, ущербно малой для интеллектуального рабочего поля любимой нашей (действительно общей!) филологии.

С аспирантских лет будем вырабатывать у молодых людей ответственность за распространение и обнародование приглянувшихся им чужих идей. Институт референтов по-настоящему работает только по творческому почину, а науке сейчас реклама нужна еще более, нежели другим сферам. Наука должна осознавать себя. Пустить понравившуюся идею на самотек – не бесхозно ли? Идея нуждается в защите со стороны ее автора и со стороны тех, кому она действительно понравилась. Двойное патронирование обеспечит ей некоторую известность, а это уже надежда на внедрение.

Такие мысли вызвал у меня новый тип словаря – “Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина”, составленный А.А. Кретовым и Л.М. Матыщиной.